

— Этому тебя ещё учить надо? И книг, и дисков полно, — огромный белый тигр вальяжно качнул хвостом и повёл ушами. — Я тоже заглядываю туда, когда заняться нечем.

— Апокалипсис-то вам ума прибавил, а вот с чуткостью как-то не задалось, — усмехнулся Гань Буго. — Кункун в Пространстве спит, не буду его тревожить. Холодина такая стоит, что он, кажись, в спячку впал.

— И не выпускай, вечно он у меня всё отбирает! — тигр оскалился, обнажив острые клыки. — Малявка паршивая, даже на один зубок не хватит. Если бы не давнее знакомство, давно бы сожрал!

— Да съешь ты его уже наконец, у меня самого на него сил нет! — в тон тигру оскалился Гань Буго.

Жаль только, клыки у него были не чета тигриным — мелкие, аккуратные, совсем детские. Стоило ему улыбнуться, как на щеках проступали задорные ямочки. Из-за этого дружелюбного вида бывшие коллеги когда-то и прозвали его «тёплым парнем».

Его улыбка так и лучилась искренним дружелюбием, согревая всякого, кто на неё смотрел.

Увы, при всей своей душевности девичьего внимания он так и не дождался — подводила внешность.

Ростом Гань Буго едва перевалил за метр пятьдесят и до заветных ста шестидесяти так и не дотянул. Для мужчины подобная низкорослость — сущий приговор, клеймо ходячего недоразумения.

К тому же, при всей своей миловидности и покладистом характере, в глазах противоположного пола он вечно оставался «славым младшим братишкой из соседнего подъезда», но уж точно не завидным женихом.

Да и специальность у него была специфическая. Дипломированный фармацевт, выпускник медицинского университета.

Специализировался на традиционной китайской медицине. Учёба отняла прорву лет, а выбор должностей после выпуска оказался на удивление скудным, несмотря на то, что он дополнительно освоил агротехнику выращивания лекарственных трав.

Судьба сыграла с ним злую шутку: едва устроившись на тёплое местечко, он не успел проработать и двух лет, как грянул конец света.

Претерпев немыслимые лишения, он бежал с юга на родину, но по возвращении обнаружил лишь пепелище — родной город лежал в руинах.

В дороге его несколько раз едва не лишили жизни. Натерпевшись страху, и без того робкий Гань Буго замкнулся в себе. Он оставил любые попытки прибиться к какому-нибудь лагерю выживших и решил обосноваться на руинах отчего края. Так они и жили — он, подобранный по пути амурский тигр Сяо Бай да крохотный эльф Кункун, обитающий в его карманном измерении.

Место он выбрал неслучайно: когда-то здесь раскинулась огромная зелёная комплексная ферма. Уцелевшего инвентаря хватало с избытком, да и пригодных для пахоты земель было в достатке. В эпоху постапокалипсиса клочок чистой, не заражённой радиацией почвы ценился на вес золота. А этот уголок ко всему прочему отличался удивительным спокойствием — бродячих мертвецов вовремя истребили, а мутировавшие твари почему-то обходили усадьбу стороной.

— Что у нас завтра на завтрак? — тигр шевельнул усами, шумно втянув ноздрями воздух. — Надеюсь, мясные кусища?

— С утра планирую заварить огромный котёл говядины, — оживился Гань Буго при одном упоминании еды. — Помнишь, я вчера две туши разделал? Вот их и пушу в дело. Отварю побольше и выставлю на холод — на неделю хватит. А на наваристом бульоне сделаю похлёбку с капустой и редькой. Обедение выйдет!

Да и много ли нужно одному человеку и ручному хищнику?

Впрочем, аппетиты Сяо Бая на кулинарные изыски не распространялись — тигр предпочитал парное сырое мясо, уверяя, что варёное лишается всякой текстуры и вкуса.

Так что делёж выходил честным: целая туша отправлялась на прокорм зверю, а вторая шла на заготовки хозяину.

— Идёт. Мне на завтрак выдели целую голяшку, — довольно рыкнул Сяо Бай, предвкушая пиршество.

— Договорились, лопай на здоровье, — отмахнулся Гань Буго. — А я пока займусь пампушками-маньтоу. Напеку побольше, чтобы на месяц о хлебе не думать.

Ну и про рис, конечно, забывать не стоило.

— Эх, до катастрофы нас, тигров, люди на убой кормили, а теперь приходится перебиваться твоими пайками, — притворно вздохнул Сяо Бай. Хотя хищник обладал недюжинной силой, охотиться самостоятельно он ленился, предпочитая домашний уют.

— Ключевое слово — «до», — фыркнул парень. — Радоваться надо, что вообще уцелели. Из моих прежних знакомых дай бог пара человек жива осталась.

Знакомств у него в своё время было пруд пруди, да только смерть в те годы собрала богатую жатву.

В новом мире дефицитом стало абсолютно всё, но сильнее всего ощущалась нехватка пресной воды и провизии.

Гань Буго повезло устроиться на уцелевшей ферме, где голод ему не грозил. Обзаведясь скромным подсобным хозяйством и возделывая небольшие грядки, он обеспечил себя всем необходимым. Если бы каждый на планете мог похвастаться такой сытой жизнью, апокалипсис давно бы закончился.

Усадьба располагалась в уникальном месте. Во время тектонических сдвигов пласты земли вздыбились, превратив этот клочок суши в неприступное плато на самой вершине скалистого отрога. Дорога сюда петляла серпантином, а последний участок перед самой фермой обрывался отвесной кручей. Подниматься и спускаться приходилось на самодельном подъёмнике с лебёдкой, что превосходно защищало убежище от набегов ходячих мертвецов.

Правда, теперь, когда угроза заражённых миновала, подобные меры предосторожности лишь усложняли повседневный быт.

В конце концов Гань Буго обустроил потайной спуск, заметно облегчивший вылазки во внешний мир.

— К слову, о твоих поисках, — Сяо Бай лениво переставил лапы, подползая ближе, и уложил тяжёлую голову на колени хозяина. — Я отыскал тот угольный пласт в ущелье. Настоящая гора угля, прямо на поверхности лежит, черпай — не хочу. Теперь тебе не придётся горбатиться с топором в лесу.

Природа после катаклизма изменилась до неузнаваемости.

Даже обычные деревья, некогда дававшие отличную строительную древесину, превратились в нечто невообразимое.

Каждую осень Гань Буго заготавливал дрова на зиму. По логике вещей, зачистив ближние подлески, ему следовало бы продвигаться вглубь чащи, но мутировавшая поросль и дикие кустарники, обступившие плато, вели себя до крайности нагло. Особо опасных свойств у них не наблюдалось, зато тяга к захвату новых пространств переходила все границы.

С первыми весенними оттепелями молодая поросль упрямо лезла из всех щелей, прибавляя в росте за сезон столько, сколько раньше деревья набирали за десятилетие. Если бы парень не вырубал эти побеги подчистую, усадьбу давно бы поглотил буйный зелёный океан.

Особенно усердствовали дикие тополя и ивы. Ни цветов, ни плодов от них дождаться было

невозможно, вся их жизненная сила уходила в бесцельный рост и агрессивное укоренение. Поначалу Гань Буго осторожничал, щадил рошу, но вовремя понял: дай слабину — и прожорливые сорняки-переростки задушат всю полезную флору, прибрав плато к рукам.

Допустить этого он никак не мог.

Юноше хотелось жить в относительном уюте, поэтому с церемониями было покончено. Он нещадно прореживал лесную стену, обеспечивая себя топливом на всю суровую зиму.

О сохранении экологии в разрушенном мире думать не приходилось.

И слава богу. Вернувшись из дальней разведки, Сяо Бай подтвердил, что горные распадки превратились в сплошные непроходимые дебри. Даже такому сильному хищнику приходилось соблюдать предельную осторожность среди исполинских стволов. Всего за три года голые скалы покрылись густой лесной чащей, в которой расплодилось множество опасных тварей.

— Рубку я всё равно не брошу, но уголь — это спасение, — Гань Буго поудобнее устроился на мягких подушках. — Засыплешь ведро в топку с вечера, и до самого утра тепло держится. Тебе же лучше, не придётся посреди ночи подскакивать, чтобы подкинуть поленья.

Сам парень терпеть не мог выбираться из-под тёплого одеяла до рассвета. К счастью, Сяо Бай, будучи мутировавшим зверем с недюжинным интеллектом, вполне справлялся с нехитрыми обязанностями кочегара.

— Ладно уж, уговорил, — тигр прикрыл веки, уютно устраиваясь на ковре. — Только вот сдаётся мне, тоскливо тебе тут одному. Ни одной живой души рядом. Как состаришься, кто о тебе позаботится? В тех старых сериалах, что мы крутили, вечно твердят про одинокую старость. Помрёшь тут на горе, и никто не узнает.

— Я не состарюсь, — Гань Буго коснулся ладонью гладкой щеки. — Погляди на меня. Десять лет прошло, а я выгляжу даже свежее, чем до катастрофы.

И дело было не только в отсутствии морщин — само его тело словно застыло во времени.

С того самого дня, как в нём пробудилась пространственная способность, физиологические часы Гань Буго остановились. Кожа оставалась безупречно гладкой, упругой, а волосы — шелковистыми и густыми.

В прежние времена с такой внешностью он легко бы сошёл за смазливую айдолу.

Но в суровой реальности постапокалипсиса столь хрупкий облик требовал крайней осторожности. Приходилось скрывать свою суть и не высовываться лишней раз.

Насмотревшись на чужие страдания, Гань Буго растерял всякие иллюзии. Он не стремился стать спасителем человечества — ему хватало забот о собственном выживании.

— И всё-таки, когда этот соня Кункун соизволит явиться? — ворчливо поинтересовался тигр. — Волшебный дух, тоже мне! Он ведь не гадюка какая-нибудь, чтобы дрыхнуть без просыпу всю зиму. Скука смертная без него.

— Сам ведь знаешь, он на дух не переносит холода, — Гань Буго ласково потрепал тигра по загривку. Густой мех зверя был невероятно мягким и тёплым на ощупь. — Мне и твоей компании за глаза хватает. Пусть посидит пока в Пространстве Всеобщего Жизнерождения.

Благодаря верному помощнику парень мог не надрываться на плантациях, ведя вполне безбедную жизнь.

В одиночку управиться со всем хозяйством карманного измерения было бы попросту невозможно — именно Кункун взял на себя основные заботы по уходу за посадками.

Сяо Бай мотнул головой, поднялся и вальяжно прошествовал к выходу, чтобы свериться с уличным термометром. Вернувшись, он глухо фыркнул:

— Опять метёт. На градуснике минус тридцать пять.

— Считай, оттепель, — сонно отозвался Гань Буго, глубже зарываясь в мягкие недра дивана. — Главное, пятидесятиградусные морозы пережили.

— Ещё немного, и ты бы совсем в ледышку превратился, — тигр вернулся на своё место у камина. — К весеннему паводку надо подготовиться заранее. Как начнёт таять — пиши пропало, вода пойдёт верхом.

— И не говори. С каких это пор на северо-востоке завелись тропические ливни? — поморщился юноша. — Одно спасение — мутировавшие культуры воды не боятся. Обычные посадки давно бы сгнили.

— Может, тогда лотосы разведём? Будем собирать семена, коробочки... Ты ведь любишь суп из корней лотоса? — предложил Сяо Бай. — Всё равно в Пространстве припасы не портятся.

Студенческие годы Гань Буго провел на юге страны, где и приистрастился к местной кухне, особенно к нежным и хрустящим корневищам лотоса.

— Для себя вырастить можно, но светить урожаем нельзя, — предостерёг Гань Буго, мечтательно прижмурившись. — На севере такие изыски в диковинку. Наш зимний удел — квашеная капуста. Эх, сейчас бы тушёной кислой капусты с сахарной косточкой... Ух, как аппетит разыгрывается!

— Со свиной? — тигр сглотнул набежавшую слюну.

— Со свиной, — поправил его парень. — Только вот поголовье у нас пока скромное: всего четыре свиноматки да три хряка-производителя. Не разгуляешься.

К счастью, Гань Буго владел искусством холощения кабанчиков. Без этой нехитрой процедуры мясо взрослых самцов приобретало невыносимый специфический запах.

К тому же здешние кабаны после мутации вымахали вдвое крупнее прежних домашних свиней. Одной такой туши парню с лихвой хватало на месяц сытной жизни.

Лишний молодняк забивали и отправляли на хранение в Пространство Всеобщего Жизнерождения. И всё же бесконечно затягивать с обновлением стада было нельзя: животный век недолог, а случись что с племенными особями — новых производителей в опустевшей округе днём с огнём не сыщешь.

— Без малого полсотни голов, и тебе всё мало? Куда в тебя столько лезет? — фыркнул Сяо Бай. — Я исходил слюной на тех племенных хряков, а ты мне даже подойти к ним не позволил! Во втором поколении уже за тридцать штук перевалило. Зачем тебе столько свиней?

Гань Буго лишь грустно усмехнулся:

— Сам знаешь... так спокойнее.

За десять лет мир перевернулся с ног на голову. Благодаря карманному измерению Гань Буго не знал голода, но зрелище чужих страданий терзало его душу. Всякий раз, когда он пытался помочь выжившим, те платили ему чёрной неблагодарностью, норовя добраться до его запасов. Со временем парень усвоил горький урок: хочешь помочь — делай это тайно. Он стал оставлять мешки с провизией на лесных тропах, никогда не показываясь благодетельствованным людям на глаза.

Но даже при такой осторожности однажды он оступился. Жадные до наживы бродяги выследили его по едва заметным следам и едва не перерезали горло. В этом безумном мире человеческая жизнь не стоила и ломаного гроша. Спасло его тогда лишь чудо в лице случайного путника, который закрыл его собой и отбил у мародёров. С тех пор Гань Буго окончательно забился в свою раковину, боясь лишний раз заявить о себе.

Свою личность и существование Пространства Всеобщего Жизнерождения он оберегал теперь как зеницу ока.

Заметив, как помрачнел хозяин, Сяо Бай не стал докучать ему расспросами. Он лишь глубже зарылся мордой в лапы, тихонько сопя.

В камине весело трещали поленья, наполняя комнату живым теплом и едва уловимым, смолистым ароматом дикой хвои.

Засыпая под этот убаюкивающий шёпот пламени, Гань Буго вновь, как и сотни раз до этого, мысленно вернулся к образу своего таинственного спасителя.

<http://bllate.org/book/18997/1868464>